
Собственный
КАПКАН
РОМАН
Натали Рэй
18+

Натали Рэй

Собственный капкан

«Автор»
2026

Рэй Н.

Собственный капкан / Н. Рэй — «Автор», 2026

Он — опытный охотник, жиголо с безупречной внешностью и выверенным расчётом, привыкший легко заманивать в свой капкан состоятельных женщин и выходить сухим из любой игры. Накануне Нового года Алекс остаётся без денег и крыши над головой — и идёт на корпоратив в надежде поймать очередной шанс. Но встреча с Екатериной оборачивается для него настоящим ударом: впервые вместо холодного азарта и выгоды в груди поднимается живое, пугающее чувство. Он попадает в собственный капкан, где трофеем оказывается его собственное сердце, а прежние уловки вызывают лишь стыд и горечь. Чтобы не потерять её и не сломаться под тяжестью тридцатилетнего рубежа и пустых карманов, ему предстоит переломить себя, отказаться от дешёвых масок и с нуля научиться честному труду, верности и любви. История о том, как мужчина находит суть жизни там, где меньше всего ждал — в ответственности, семье и настоящем чувстве.

© Рэй Н., 2026
© Автор, 2026

Натали Рэй
Собственный капкан

Натали Рэй

Собственный капкан

Глава 1. Утро в чужой квартире

Алекс проснулся не сразу — лежал, глядя в незнакомый потолок, и несколько долгих секунд не до конца осознавал, где он находится и который сейчас час. Он ещё не привык к этой квартире: въехал сюда всего дней пять назад, перетащив немногочисленные вещи в спешке, без радости, без уюта и без малейшего ощущения собственного дома. Чужие обои, чужой запах, чужая планировка — всё здесь казалось временным, случайным и каким-то зыбким, словно сама жизнь поставила его на паузу перед очередным резким обрывом.

Город за окном жил своей шумной, предновогодней жизнью — большой, красивый, огненный, один из тех мегаполисов, где крутятся большие деньги, поднимаются высотные здания и где каждый день кто-то взлетает на вершину, а кто-то с грохотом летит вниз. До Нового года оставалось десять дней, а до крайнего срока по оплате этого съёмного жилья и текущим счетам — всего пара недель. От одной этой мысли по спине пробегал холодок, а по лбу выступала липкая, неприятная испарина: что делать? Что делать, если платить скоро, а в кармане и на счетах гуляет такой ветер, что хоть шаром покати?

Он медленно перевернулся на спину, закинул руку за голову и уставился в полумрак. Лежать вот так, на чужой кровати в чужой съёмной халупе, с тяжёлой головой и тревожным комком в груди было особенно горько. Причина этого утреннего кошмара сидела в нём давно: он слишком привык к хорошей, красивой, беззаботной жизни. Привык жить рядом с взрослыми, состоятельными женщинами, у которых всё было схвачено, где не нужно было считать копейки, где рестораны, подарки, поездки и комфорт шли приложением к его внешности и умению красиво ухаживать.

Жизнь жигало казалась лёгкой ровно до того момента, пока очередной расчёт не давал сбой. Совсем недавно взрослая женщина, к которой он так привык пристраиваться, дала ему звонкий пендель под зад. Обидно, зло, унизительно — так, что до сих пор внутри всё сжималось от досады и злости. Но если смотреть правде в глаза, до чего он сам докатился? Работать всерьёз он не хочет, на обычную службу идти не привык, ничего прочного своими руками не построил. Только и умеет, что крутиться вокруг женщин, пускать пыль в глаза да выкручиваться за счёт смазливой внешности и подвешенного языка.

Алекс тяжело выдохнул, спустил босые ноги на холодный пол и на мгновение замер, чувствуя, как морозная прохлада досок пробирает до костей. В этот момент к привычной досаде подмешался глухой, липкий страх: а что, если не успеет? Что, если вытурнут отсюда за неуплату, куда он тогда пойдёт и где окажется посреди зимы? Поехать к матери? Вариант отпадал сразу: мама жила далеко — давно уехала в глухую деревушку, подальше от большого города, в свой тихий, размеренный мир. Ехать туда означало признать полный крах, зарыться в глуши и поставить крест на всех амбициях.

Он медленно поднялся, подошёл к зеркалу и остановился, разглядывая своё отражение. Даже в это недоброе утро, с тяжёлыми мыслями и пустым карманом, вид у него был шикарный. Бог его ничем не обидел: в свои двадцать девять лет он был отлично сложён — атлетический, подтянутый корпус, широкие плечи, ровная спина, почти аполлоновский вид, который притягивал взгляд даже без особых усилий. Внешность у него была яркой и притягательной: чёткие

черты лица, выразительные глаза, густые брови и тот самый фирменный, манящий прищур, от которого женщины очень быстро западали на него.

Он понял это чуть ли не с детства — как легко на него клюют девочки, а потом и взрослые женщины. С годами этот навык превратился в отточенное оружие. Алекс умел расположить к себе, зацепить, вскружить голову и выйти из любой истории сухим, без единой царапины. Но ни разу в жизни он не был по-настоящему влюблён — потому что сам запретил себе это. Он прекрасно понимал: все эти розовые слюни, сопли, привязанности и романтические слабости ему не нужны. Чувства сбивают холодный расчёт, делают уязвимым и мешают держать ситуацию под контролем.

Вот только сколько ещё продержится эта карта? Красота и молодость не вечны — когда-нибудь начнут уходить, а что останется тогда, если он так и не научится стоять на своих ногах? Он всё ещё стоит в чужой халупе, в кармане — пшик, а сроки поджимают так, что дышать становится тяжелее.

И тут он снова подумал о Егоре. Друг детства пошёл совсем другим направлением: выбрал правильную дорогу, выучился, устроился в серьёзную строительную компанию, работает, растёт, крепко стоит на ногах. Егор — молодец, не стал играть в сомнительные игры и выстроил нормальную, надёжную жизнь. Но стоит ли всё рассчитывать сейчас на Егора? Не слишком ли много хочет Алекс от человека, у которого своя работа, свои правила и свои границы?

Ответа пока не было, но стоять столбом перед зеркалом в чужой квартире больше не имело смысла. Впереди десять дней до Нового года, пара недель до крайнего срока и реальная угроза оказаться на улице. Алекс взял телефон, нашёл контакт друга, набрал Егора и коротко, по делу сказал:

— Егор, давай в шесть встретимся.

Глава 2. Вечер в баре

Ровно в шесть часов вечера Алекс уже сидел в баре — не в самом пафосном заведении города, но в таком, куда охотно заглядывали после работы те, кому нужно было выдохнуть, сбросить дневное напряжение и поговорить без лишних ушей. За окном сгущались декабрьские сумерки, на улицах зажигались первые предновогодние огни, а внутри пахло тёплым деревом, пряным алкоголем, жареными закусками и приглушённым гулом голосов. Алекс устроился у стойки, покрутил в пальцах стакан с водой и поглядывал на вход, пытаясь привести мысли в порядок после тяжёлого дня в этой чужой, неуютной съёмной квартире.

Егор появился минут через десять — чуть запыхавшийся, с усталым, выжатым выражением лица, которое бывает у человека, проведшего весь день под чужим прессом. Они пожали друг другу руки, сели за небольшой столик в углу, подальше от шумной компании у барной стойки, и на секунду оба промолчали. Контраст между ними бросался в глаза даже здесь, в полумраке бара: Егор — женат, стабилен, с осанкой человека, у которого за плечами вуз, нормальная карьера и надёжная работа в строительной компании; Алекс — расслабленный с виду, подтянутый, с тем самым притягательным прищуром, но внутри натянутый, как струна перед обрывом.

Алекс первым не выдержал, наклонился ближе и выложил всё как на духу, без привычной бравады и показной лёгкости:

— Слушай, у меня сейчас всё так типа хреново... Я на квартире, въехал всего несколько дней назад, а в кармане — пусто. Осталось две недели, нужны деньги туда-сюда, на оплату жилья, на текущие дела. Если не найду — выкинут отсюда, как щенка, и пойти вообще некуда. До Нового года десять дней, а я сижу на пороховой бочке.

Он провёл рукой по лицу, впервые за долгие годы позволяя другу увидеть не лощёного красавчика-охотника, а мужика, которого прижало к стенке. Алекс ждал, что Егор сейчас либо

прочитает лекцию о том, как надо жить и работать, либо просто пожмёт плечами. Но Егор вдруг тяжело рухнул на спинку стула, потёр виски и глухо выдохнул:

— Ты думаешь, у меня сахар? Да я сам сейчас могу слететь!

Алекс приподнял бровь, вглядываясь в лицо друга:

— Ты? С твоей-то репутацией и работой? Что случилось?

— Да сегодня такое было... — Егор махнул рукой, подзывая официанта, а когда тот отошёл, продолжил уже тише, но с явным внутренним надрывом: — Меня разнесла моя босс — она глава этой строительной компании, Екатерина Станиславна. Словно фурия осервеневшая прошлась! Просто в клочья. И ведёт себя так, будто не женщина вовсе, а словно мужик в юбке — жёсткая, ледяная, слова поперёк не скажешь, сметёт и не заметит. Я думал, всё нормально идёт, старался, а она прошлась по мне так, что у меня до сих пор в ушах звенит и внутри всё холодеет.

Егор поморщился и добавил ещё глуше:

— А скоро ведь корпоратив. Я туда вообще идти не хочу. И жена моя тоже идти не хочет — ей лишний раз смотреть на этот цирк и дышать этим напряжением ни к чему.

Алекс внимательно посмотрел на него, прищурился — тот самый фирменный, расчётливый прищур, который всегда появлялся, когда в голове начинал складываться план — и ровно сказал:

— Пошли.

Егор устало мотнул головой:

— Я не хочу.

Алекс чуть наклонился вперёд, в голосе появилась спокойная, цепкая уверенность:

— Я тебя поддержу.

Егор тут же насторожился, сузил глаза и с подозрением посмотрел на друга:

— Ой... Ну-ка стоп. Что ты задумал? Даже не смей лезть. Это же мужик в юбке!

Алекс откинулся на спинку, лениво крутя бокал, и прокрутил эти слова у себя в голове. «Мужик в юбке»... Подумал Алекс. Страшно звучит, конечно. Но куда страшнее посреди зимы под мостом оказаться в коробке, когда вышвырнут из съёмной квартиры за неуплату.

— Так что о'кей, — коротко бросил он, поднимая взгляд на друга. — Пойдём на вечеринку.

Егор только тяжело вздохнул, качая головой:

— Куда ты лезешь...

А Алекс уже мысленно прикидывал, что вообще за зверь эта Екатерина Станиславна. Чего ей не хватает, спрашивается? Особняки, деньги, собственная строительная компания, статус, власть — всё при ней. Что, от жиру бесится? Ну бросил её когда-то мужик — ну и что, мало ли кого бросали, ничего страшного в этом нет. Зато теперь срывается на всех вокруг, держит людей в страхе и думает, что ей всё сойдёт с рук.

Алекс молча смотрел на янтарный свет в стакане, вслушиваясь в каждое слово друга. В голове всё ещё пульсировали собственные проблемы: съёмная квартира, две недели до платежа, пустой кошелёк, недавний звонкий пендель от бывшей, страх оказаться на улице. Но рядом с этим страхом уже прочно встал холодный прицел игрока — и мысль о предстоящем корпоративе перестала казаться пустой тратой вечера.

Глава 3. Предновогодний вечер и колонны

В день корпоратива Алекс проснулся пораньше — намного раньше, чем привык подниматься в последние ленивые, тревожные недели. Внутри всё ещё тянуло холодом от мысли о поджимающих сроках и пустом кармане, но сегодня он не собирался раскисать. Он заставил себя подняться, прошёлся по комнате, чтобы окончательно прогнать сон, и принялся за дело: несколько раз отжался от пола, чувствуя, как по мышцам разливается привычная упругая сила,

как ускоряется дыхание и в голове проясняется. Хоть какая-то опора в собственном теле — уже плюс, когда вокруг всё трещит по швам.

После тренировки он принял душ — долго стоял под горячими струями, смывая утреннюю тяжесть и остатки липкой тревоги. Затем собрался и поехал наводить порядок на голове: парикмахер сделал ему аккуратную, стильную причёску и укладку, подчеркнув чёткие линии лица и тот самый взгляд из-под полуопущенных век, который так безотказно действовал на женщин. Вернувшись домой, Алекс открыл шкаф, выбрал свой лучший костюм — тёмный, безупречно сидящий смокинг, который дожидался особого случая — и на миг замер перед зеркалом.

Вокруг него по-прежнему теснились обшарпанные стены дешёвой съёмной квартиры — чужой, неуютный угол, где он не успел толком обжиться и откуда его могли выставить, если не решит финансовый вопрос. Алекс медленно оглядел эти потёртые обои, дешёвую мебель, всю эту временную бедность и тихо, с внутренней собранностью подумал: «Потерпи, Алекс, чуть-чуть осталось».

День уже клонил к вечеру, за окном сгущались декабрьские сумерки. Алекс стал одеваться к выходу: аккуратно поправил лацканы смокинга, проверил воротник, а затем достал то, что бережёт на крайний случай — остатки своей былой роскоши. Это был по-настоящему дорогой парфюм с глубоким, обволакивающим табачным оттенком, от которого веяло уверенностью, статусом и запахом больших денег, а не дешёвой съёмной комнаты. Не скупясь, он вылил на себя чуть ли не полфлакона, подушился с ног до головы, позволяя густому пряно-табачному шлейфу заполнить воздух вокруг.

Перед тем как выйти из дома, он не пустил дело на самотёк: ещё днём и перед самым выходом основательно проштудировал, о чём говорить с Екатериной Станиславной. Нашёл её в соцсетях, внимательно посмотрел, как она выглядит, почитал посты и заметки, поизучал детали, чтобы заранее понимать её тон, интересы и манеру держаться. Охотник не привык идти вслепую — ему нужно было знать, как выстроить разговор и как удержать нить беседы, если выпадет шанс подойти ближе.

Алекс снова взглянул в зеркало. В смокинге, с укладкой, с манящим прищуром и тяжёлым табачным шлейфом он смотрелся потрясающе — по-настоящему шикарно, словно сошёл с обложки глянцевого журнала. Он чуть заметно кивнул своему отражению и тихо сказал сам себе:

— Алекс, в добрый путь.

Он стал ждать, когда за ним заедет Егор. Время тянулось нервно, каждый звук за окном заставлял прислушиваться, и наконец на телефон пришло сообщение — Егор подъехал. Алекс быстро спустился вниз, распахнул дверь подъезда и шагнул на морозный воздух.

Улица встретила его совсем другим настроением. Вокруг всё сияло и переливалось — витрины, деревья, фасады зданий были укутаны в тысячи новогодних гирлянд, золотых, тёплых и серебристых огней. Прохожие спешили по делам, кто-то смеялся, в воздухе чувствовалось предвкушение праздника, и Алекс вдруг на какое-то время забылся. В груди отпустило, тревога отступила на второй план, и у него самого поднялось настроение — чистое, почти мальчишеское, как у ребёнка в детстве, который с замиранием сердца ждал праздника и верил, что вот-вот случится что-то особенное.

Он сел в машину к Егору, и они поехали на корпоратив. Но рядом сидел совсем не праздничный спутник: Егор всё время бросал на Алекса недоверчивые, настороженные взгляды, хмурился и, похоже, в глубине души жалел, что вообще согласился сюда ехать — идти ему сюда совсем не хотелось, а от вида сияющего и слишком уверенного Алекса становилось ещё тревожнее.

Когда машина остановилась у места проведения вечера, Алекс даже на секунду потерял дар речи. Перед ними возвышался огромный, роскошный ресторан — величественный, тор-

жественный, с высокими стройными колоннами, которые притягивали взгляд с первого же мига. Внутри, несмотря на лютый декабрь за окном, зал буквально утопал в живых цветах: роскошные композиции, свет люстр, блеск стекла и праздничное убранство создавали ощущение дворцового приёма. Гости вокруг были одеты ослепительно — дорогие платья, безупречные костюмы, украшения, сдержанный лоск людей, для которых такой уровень роскоши был привычной средой.

Алекс стоял, оглядывая эти бесконечные колонны, цветы и сияющий зал, чувствуя, как внутри одновременно закипают изумление, жажда и холодный расчёт. Вечер только начинался, и в этом блеске ему предстояло сделать свой первый ход.

Глава 4. Серебристый свет и первый танец

Алекс остановился на секунду, жадно вбирая взглядом всё, что происходило вокруг. В зале царило настоящее веселье: вокруг царила лёгкость, лица светились радостью, люди переговаривались, смеялись, кто-то уже успел сделать пару глотков шампанского и теперь держался куда свободнее, чем на официальных планёрках. Они с Егором сдали пальто в гардеробную, оставив за дверью зимний холод и суету, и прошли в глубь зала. Возле высокой, богато украшенной ёлки собирались компании: все фотографировались, смеялись, крутились, вертелись, поправляли наряды, перекидывались шутками. Атмосфера была суперпраздничной — тёплой, пьянящей, искрящейся от огней, звона бокалов и предвкушения новогоднего чуда.

Егор шёл рядом с таким видом, словно у него за спиной привязана гиря, а сам Алекс, наоборот, словно включил внутренний радар. Он не стал терять времени — сразу выцепил взглядом Екатерину.

И тут же внутренне удивился: она совсем не была похожа на тот образ «мужика в юбке», который нарисовал в голове Егор. Рядом с жёстким, ледяным описанием друга реальная Екатерина Станиславна выглядела поразительно иначе. Она была очень женственной и красивой, по-настоящему стройной — на ней сидело серебристое платье, которое мягко переливалось в свете люстр и гирлянд, подчёркивая каждую линию фигуры без единой ноты вульгарности. Два каштановых локона спадали к плечам, живые и блестящие, а её голубые глаза — почти синие, глубокие, ясные — делали весь облик таким живым и притягательным, что отвести взгляд оказалось непросто. В ней чувствовалась порода, достоинство и какая-то редкая, цельная женственность, которой не нужно громко кричать о себе, чтобы притягивать внимание.

Алекс не спешил бросаться в омут с головой — он приглядывался. Стоял в сторонке, лениво покручивая бокал, наблюдал, как вечер постепенно разгорячается. Музыка становилась плотнее, разговоры громче, смех — раскованнее. Он видел, как после пары бокалов шампанского Екатерина тоже заметно расслабилась: она улыбалась всё свободнее, смеялась — чисто, открыто, без стального металла в голосе, — выходила танцевать, когда её приглашали коллеги или гости, двигалась легко, грациозно, с тем самым естественным достоинством женщины, которая умеет и работать на износ, и отдыхать красиво.

Она танцевала несколько танцев с другими — кто-то приглашал её из коллег, кто-то из гостей вечера, и Алекс терпеливо ждал своего момента, оценивая, как она держится, как улыбается, как реагирует на внимание. В какой-то момент их взгляды пересеклись через зал — она мягко улыбнулась ему, понимая, что если он держится рядом с Егором, то, скорее всего, либо друг, либо брат. И тогда Алекс всё-таки отважился — шагнул вперёд, подошёл к ней, предложил руку и негромко сказал:

— Может, потанцуем?

Она посмотрела на него своими почти синими глазами и ответила с лёгкой улыбкой:

— Почему бы и нет?

Они пошли танцевать. Мелодия была медленной, тёплой, обволакивающей. Алекс наклонился ближе и тихо сказал:

— Алекс.

— Катерина, — ответила она так же негромко.

Он чуть улыбнулся, глядя на неё с тем самым притягательным вниманием, и сказал:

— Вы потрясающе сегодня выглядите.

— А кто вы? — спросила она с лёгким любопытством.

— Егору я друг детства, — спокойно ответил он. — Приехал к нему как раз на праздник, он меня и позвал.

Алекс не удержался и добавил ещё пару комплиментов — сказал, что она сногсшибательно выглядит, что очень она красива, и в этих словах не было дежурной слащавости, скорее уверенный, мужской тон человека, который привык замечать детали.

Катерина чуть ухмыльнулась. Она-то хорошо знала цену этим красивым словам: всего три месяца назад её бросил её мужчина — выбрал другую и женился. После такого удара она внутри закрылась на замок и думала, что больше никогда вообще ни с кем не будет общаться, не подпустит никого близко к себе и не позволит снова сделать себе больно.

Но всё так закрутилось, что они стали танцевать, музыка подхватила их, и вдруг всё стало ощущаться иначе. Алекс тихо вдыхал запах её каштановых волос — тёплый, мягкий, какой-то домашний и живой, смешанный с лёгкой прохладой зимнего вечера и тонким ароматом кожи. А Катерина вблизи уловила его дорогой парфюм — густой, глубокий, с тем самым табачным оттенком, от которого веяло уверенностью, силой и чем-то опасно притягательным. Она поймала себя на мысли, что это странно — совсем не похоже на её прежнее решение держаться от всех подальше, — но он ей как-то нравится, по-настоящему, без предупреждения и без её на то согласия.

И в какой-то момент Алекс вдруг понял, что она ему нравится. Не просто как цель или красивая картинка для расчёта — в нём поднялась какая-то странная, непривычная, тёплая волна, которой он вообще не понимал. Он привык к другому: привык к более возрастным тётенькам, рядом с которыми всё было понятно, прагматично и прохладно, где не возникало таких внутренних толчков, такого тихого замирания под рёбрами. Там была схема, расчёт, выгода — и никаких лишних эмоций. А здесь что-то дрогнуло так глубоко и неожиданно, что он растерялся: «Нет, наверное, это шампанское так подействовало». И тут же жёстко одёрнул себя: «Так, не расслабляться, Алекс. Соберись».

Ему было удивительно приятно держать её в своих объятиях, чувствовать, как она рядом, ощущать её спокойную, тёплую энергию — в ней не было и тени того «мужика в юбке», о котором говорил Егор. Но именно оттого, что в её поле было так легко и хорошо, внутри становилось тревожно: слишком непривычно, слишком близко к тому, чего он сам себе запрещал.

Чтобы не дать себе уплыть в эти странные ощущения, он задал ей пару вопросов туда-сюда — как ей этот вечер, не устала ли от всего предновогоднего шума, как удаётся выдыхать при таком ритме. Катерина отвечала тихо, ровно, а затем, поддавшись ритму, музыке, лёгкому хмелю от шампанского и тому странному теплу, что шло от него, в какой-то миг даже чуть прислонилась к нему — а потом раз, словно опомнившись, резко отдёрнулась, вспомнив о своей закрытой двери и о том, что три месяца назад ей уже нанесли больной удар.

По правде говоря, Алекс очень понравился ей — хоть она и зареклась больше ни с кем не сближаться. Она была в восторге от его внешности, от того, как он смотрит и держится, но сама себе боялась в этом признаться до конца. А под конец мелодии Алекс всё-таки спросил её телефончик — негромко, сдержанно поинтересовался, можно ли ей иногда звонить. И в этом коротком вопросе уже чувствовалось, что этот медленный танец изменил правила игры для обоих.

Глава 5. Номер в ладони и бессонная ночь

Катерина всё-таки дала ему свой телефон. Не сразу — на долю секунды в её почти синих глазах мелькнуло сомнение, словно внутренний голос напоминал о закрытой двери и трёхмесячной давности ударе, когда её бросил мужчина, выбрал другую и женился. Но она была на

празднике, в хорошем настроении, чуть согретая шампанским, а главное — в ней жило доверие к Егору, раз этот красивый, уверенный мужчина пришёл рядом с ним, как близкий друг детства. Она назвала цифры ровно, с лёгкой, почти незаметной улыбкой, которая сказала Алексу больше, чем целая речь: этот вечер её задел.

Когда Алекс вернулся домой в свою временную, обшарпанную съёмную квартиру, предновогодний шум остался за дверью, а внутри всё гудело. Он разделся, но спать не мог — долго лежал на чужой кровати, уставившись в потолок, и не мог отогнать мысли о ней. В голове всё ещё стояли её серебристое платье, два каштановых локона, тёплый запах волос и то мгновение, когда она чуть прислонилась к нему и тут же отдёрнулась.

Обычно у него всё складывалось по одной и той же холодной схеме: приметил, зацепил, вошёл в доверие, выжал максимум комфорта и денег — и ушёл сухим. Но сейчас мысли почему-то не бились в прежние ключи. Ему не хотелось думать о ней так грубо и цинично, как привык думать о других женщинах, — в груди вдруг шевельнулось что-то иное, глухое и пугающее. Он лежал в темноте и тихо прислушивался к себе: может, это и есть тот самый ток, про который люди говорят, что между ними пробегает искра? Может, у него внутри правда что-то ёкнуло — впервые за всю его расчётливую жизнь?

Но даже в этом странном внутреннем смятении он не мог поймать себя на том, что хочет просто развести эту женщину, как очередную «тётеньку» из прошлого опыта. Напротив — чем дольше он ворочался с боку на бок, тем острее и больнее бил другой вопрос: а что он сам ей может дать? И как? У него ни своего большого дела, ни твёрдой почвы под ногами, ни денег на счёте, а в кармане — чужая квартира, поджимающий срок оплаты и страх оказаться ни с чем. Рядом с женщиной её масштаба, её статуса и её внутренней силы он вдруг впервые почувствовал, насколько хрупко всё то, на чём он строил свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.